ИЮНЬ 1928 г.

№ 23

ШЕСТОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

Рис. Н. Денисовского

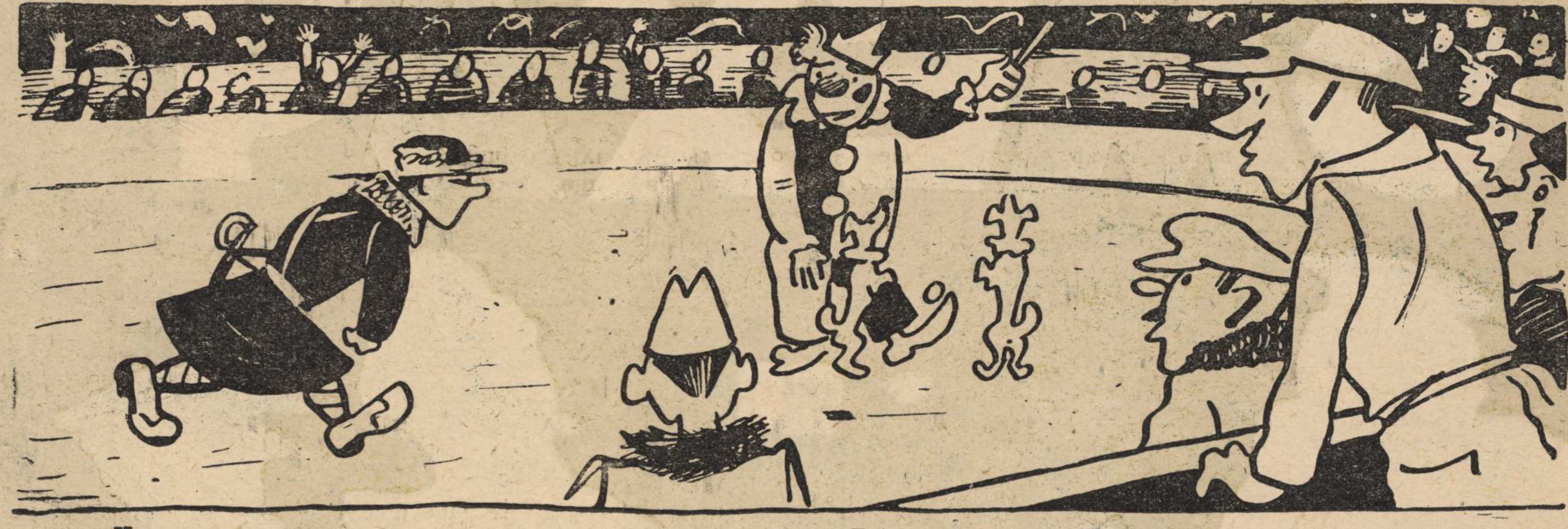
ТОЧНЫЙ ОТВЕТ

— Ну-с, как прошла ваша экскурсия?
— Да так... На четвереньках!

Рис. Н. Радлова

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ВОСТОРГ

Кадровая милиция сейчас не справляется со своей работой.
(„Комс. Правда“).

— Чего это милиционер на арену попер?
— Там собачки вальс танцуют. Ну, проверить хочет — имеется ли разрешение на устройство танцев?

АБАЖУР

Фасад передо мной.
И тридцать два окна,
Освещены, висят передо мною...
Всего их — тридцать два.
И в каждом — желтизна,
И каждое
Сияет желтизною...
И в каждом — виден он!
О, это чересчур!
Тоска зажала вдруг
Поэта сердце лапой...
Да! В каждом том окне,
Да! Там над каждой лампой
Оранжевый
Раскинут абажур!
Внизу и наверху —
Куда хватает взор,
Где треугольником
Под звезды крыша вздета, —
Он шелестит
Широкий, как шатер,
Восходит он бесшумно, как планета...
Читатель, ты пройдись
Весенним вечерком,
Внимание тебе
Отличной будет няней...
По переулочкам,
По площадям...
Кругом
Увидишь множество
Оранжевых сияний...
Быть может, дело в том,
Что желтый дешев цвет
(Экономическая,
Так сказать,
Причина!),
Возможно, что других
Цветов в продаже нет, —
Но в общем он — везде...
Роскошная корзина,
Что кверху дном
Над яствами висит,
Иль юбка пышная — пошире кринолина...
Он, всюду он!
И нежен жар ланит
От света этого!
Так говорят хозяйки...
Украшен бахромой...
Расцвечен и расшит:
Здесь пчелы, куколки,
И слоники, и чайки,
Над головами Зин
И Манечек и Шур —
Оранжевый
Мещанский
Абажур!
Окно раскрытое.
На первом этаже.
Я на асфальтовой
Остановлюсь меже.
Я заглянул туда,
И вот уют семейный
За занавескою
Открылся мне кисейной.
Там круглый стол.
И зелень сундука,
И пухлая хозяйкина рука.
Семейный ужин там.
Там курицу доели.
Мадам сказала: — Спать.
Хозяин розов, тих.
Вот Гога — их сынок!
И вот их дочка — Нелли:
Прекрасная семья из четверых!
Какие у мадам
Под чепчиком кудряшки!
На скатерти сервиз,
Как стая голубей, —
И кажется, что неба голубей
Отцовские — с машинками — подтяжки!
И вот он, вот — висит!
Стеклярус и ажур...
Оранжевый
Мещанский
Абажур!
Комод и кружевцо
Сверкает на комоде,
И стадом движутся
Подушки на кровать.
Хозяин чешет пах.
Хозяин хочет спать.
Хозяин подчинен природе.
В последний раз взглянув на сундуки,
Он поднимается,
Забрав Эссентуки!
Хозяин! Знаешь ли,
Что мне противен ты!
Не знаю почему... Смотрю из темноты,
И впечатления
Мучительны и тяжки...
Ты мне противен, — да!
Быть может, потому,
Что у тебя небесные подтяжки!
А, может, раздражает твой уют,
Где винегреты пышные цветут...
Иль щек твоих спокойное качанье,
Твоя уверенность, что ты и прав и мил..
Ты спать идешь?
Спеши!
Но вспомни на прощанье
В уборную сходить ты не забыл?
Я под окном стою,
Задумчив я и хмур.
(Преувеличивать —
Особенность поэта!)
Я отступаю прочь!
И желтый абажур
За мною движется
Бесшумно, как планета
Семья — она нужна!
И также нужен быт.
Приятно также спать.
И быть приятно сытым, —
И нужен пар, летящий из корыт,
И нужно, чтобы стол
Нарядно был накрыт —
Но нужно ли так увлекаться бытом?
Уют необходим.
Бумажный нужен мак.
Полезности не мало в абажуре, —
Но можно ли оранжевый колпак
Принять за солнце — после бури?

Зубило

УЧИТЕЛЬ КОЗЛОВ

В школе не было ни букварей, ни чернил, ни бумаги, не было даже обыкновенной стенной доски в классе: писать азы приходилось куском угля прямо на крашеных суриком дверях. Школа не отапливалась; она промерзла насквозь, и за ночь в углах и на подоконниках наметало целые кучи снега; ребята, не раздеваясь, сидели на партах в валенках и полушубках, учитель же Козлов, у которого валенок не было, обматывал ноги соломой и кусками старого, изорванного одеяла, у щиколок подвязывая его шпагатом.

Его простуженный голос звучал глухо, железы на шее у него опухли и стали большими, как огурцы, и похожие на гусиные лапы, и сине-красные руки все чаще и чаще начинали дрожать теперь, когда он выводил углем гласные и шипящие на грязных дверях в классе.

Третий месяц уже ему не платили жалованья в отделе; в волостном исполкоме говорили сначала, что центр задержал ассигновки; потом пришли ассигновки, но тогда ему сказали, что его школа случайно не попала в разверстку и надо сначала выяснить недоразумение: когда же выяснили недоразумение, то оказалось, что деньги, предназначенные для школы, истрачены уже на какие-то другие нужды, и ему опять не выдали ни гроша.

Голодный, оборванный, два месяца, изо дня в день являясь в исполком, мерял он безропотно версты в глухих снежных полях; и каждый раз он уходил ни с чем и шел, возвращаясь в деревню, собирать куски по хатам и боялся показаться в комнатушке, которую снимал на околице, потому что хозяин, не получая платы, с минуты на минуту грозил вышвырнуть и его самого и его сундучок с его скудным скарбом на улицу.

Как бродяга, он жил тем, что из милости давали ему матери учеников, и давно забыл уже о времени, когда мог пользоваться зубной щеткой, табаком и газетой в домашнем своем обиходе.

В исполкоме, когда он просил ускорить дело, чиновники отвечали равнодушно, перебирая бумаги в папках:

— Не надоедайте, товарищ. Будут деньги, заплатим. Зайдите в четверг.

Когда он пытался об'ясняться и доказывал, что школа разваливается на глазах, и в ней невозможно уже заниматься, и невозможно на протяжении месяцев морить голодом, обрекая его на смерть, работающего человека,— они усмехались, пожимая плечами:

— Ну, смерть... Зачем такие страшные слова? В голодное время одну картошку жевали, а не умирали же? Хе-хе...

Когда, наконец, он начинал грозить, теряя спокойствие и терпение, что бросит школу и занятия и уйдет из села, если ему не дадут хоть десяти рублей, чтобы заплатить за комнату и отдать долг в лавочке,— они строго щурились, делая неприступные, каменные лица:

— Товарищ, не горячитесь. Если не желаете служить, на ваше место всегда найдется другой, сознательный педагог...

И, все-таки, он никуда не уходил и продолжал работать, этот странный человек. Каждый день он аккуратно выходил в семь тридцать утра, ежась дрожа и похлопывая замерзшими руками, в нетопленый класс, и писал углем свои шипящие на дверях; когда ученики расходились, он отогревался немножко кипятком, согретым в чугунке у хозяйки, плотней обматывал солому на ногах, плотней кутался в старенькую свою курточку на рыбьем меху, и шел по снегам в исполком, и побирался потом по хатам, где ему все реже и реже начинали отпирать двери на стук.

Какие чувства, какие мысли, прекрасное сознание какого долга руководили этим человеком, на глазах у всех умиравшим медленно под дверьми школы, которой он отдал безраздельно свою жизнь?

И вот однажды, когда ученики сошлись утром в школу, он не вышел, как всегда, в семь тридцать в класс. За ним послали и нашли его мертвым на топчане в чуланчике, который он снимал за пять рублей на околице в селе. Он умер, простудившись и захворав; вернее, он умер с голода, потому что обессиленный организм не мог противостоять пустяшной болезни, скосившей его в два дня.

Кто-то из сердобольных людей послал телеграмму его близким; из города приехали сестра его и мать, сгорбленная под тяжестью внезапного и непереносимого горя старушка. Они хотели взять тело и похоронить сына и брата, но хозяин сухо сказал, перетащив и заперев труп в сарае:

— Прежде заплатите за комнату. Покойник-то, выходит, жулик был,— я так тела не отдам.

Денег у них с собой не было; они продали с себя шарфы и кофточки в селе, и выкупили и похоронили учителя на заброшенном кладбище в брянской деревушке Шаблыкино.

Они похоронили дорогое тело и уехали, поплакав и увезя с собой свое тяжкое горе,— и через неделю все забыли уже в волости об этом случае и о человеке, за смерть которого некому оказалось отвечать: что же делать, ассигновки запоздали! Что же делать, перепутали ведомости в канцелярии!

Когда кто-нибудь назовет теперь случайно фамилию Козлова в исполкоме,— чиновники рассеянно переспросят только:

— Ах, тот? Чудак такой был? На ногах солома?

А. Зорич

ГОТОВИТСЯ СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК „СМЕХАЧА"

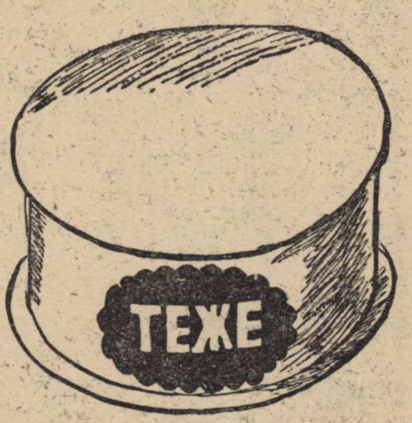
ПЛАВАЮЩИЕ И ПУТЕШЕСТВУЮЩИЕ

МОДНЫЕ ЗАПАХИ

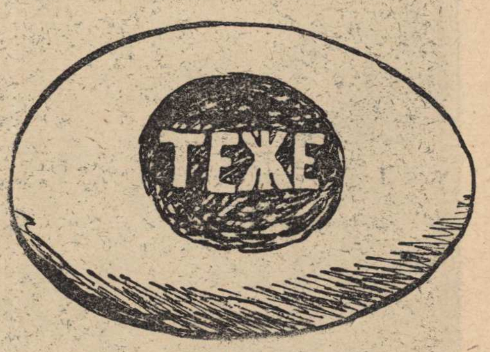
Рис. Н. Денисовского

Душистый одеколон Тэжэ пахнет фиалкой.

Душистая пудра Тэжэ пахнет гелиотропом.

Душистое мыло Тэжэ пахнет розой.

Поселки, выстроенные Тэжэ, оказались никуда не годными.

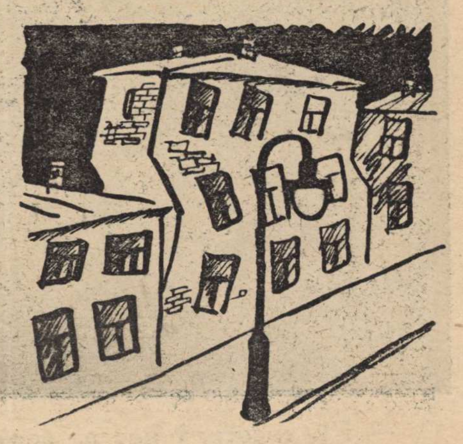
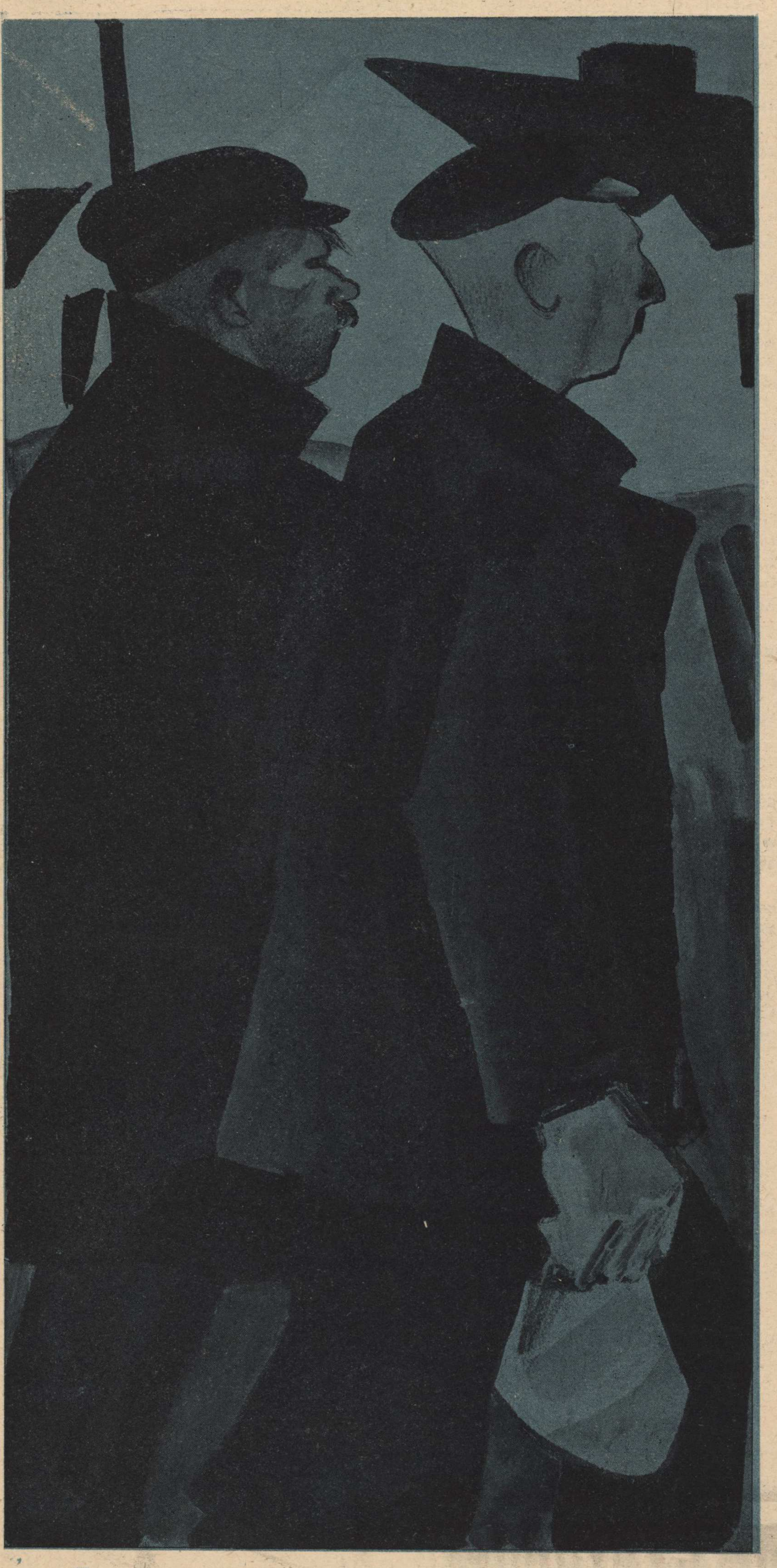

Поселок Тэжэ пахнет... липой.

Рис. Л. Бродаты

„ДЫШАТЬ НЕ ДАЮТ!!!“

Владимирский хлопчато-бумажный трест поднял вопрос о том, чтобы обязать фабричных врачей осматривать являющихся на работу в нетрезвом виде.

— Ну, знаете, у нас на заводе дышать нельзя стало!
— А что,— строгости?
— Нет. Подышишь,— так сразу узнают, что пьяный пришел.

ЖЕРТВА КРАСНОРЕЧИЯ

Члена коллегии защитников Скородумова грызла тоска, неудовольствие и неудовлетворенность. Скородумов был не доволен судом, бытом и сухой деловой обстановкой будничного советского дня.

Скородумов был прирожденным оратором. Уже много лет под ряд ему хотелось произнести речь,—настоящую громовую речь Цицерона. Тени Карабчевского и Лабори вечно маячили в воображении члена коллегии.

Нет. Скородумову решительно не везло.

Под самый конец трудового дня в консультацию зашел облезлый вылинявший старичок.

— Что там у вас?—угрюмо спросил Скородумов.

— Насчет стра... страховочки я,—едва слышно шамкал старик,—ничего я в ней не понимаю... так вы уж об'ясните, гражданин юрист...

— Вы ничего не понимаете в страховании?

Старик беспомощно замигал красными больными веками.

По странной случайности взгляды всех присутствующих обратились к старику и Скородумову.

„Теперь или никогда“, подумал защитник. Его лицо приняло вдохновенное выражение. Шевелюра сама собой откидывалась назад, и слова полились неудержимым потоком.

Старик больше не существовал. Были только слушатели и возможность произнести речь.

„...Может быть, лучшее, что дала советская власть трудящимся — это страхование. Обязательное, необязательное, окладное, неокладное, пожизненное, поимущественное...“

Голос Скородумова гремел. Слушатели плотным кольцом окружили оратора, который уже чувствовал скрытый восторг аудитории...

Его речь превратилась в какую-то страховую Ниагару.

„...От падежа, от градобития, на случай болезни, или потери трудоспособности...“

Скородумов перевел дух.

— Страховаться должны все и всегда! Если вы застрахуете вашу жену — она умирает, а вы получаете премию, если вы сами страхуетесь — вы умираете и ваши дети немедленно получают деньги...

Где-то раздавались сдержанные возгласы... Толпа просветленными глазами глядела на Скородумова. Скородумов оглядел слушателей и, задыхаясь от собственного вдохновения, он бросал последние слова:

— Я на собственом примере готов доказать вам... Если бы вот здесь... сейчас... я имел хоть какую-нибудь связь со страховыми учреждениями... я бы немедленно, не сходя с места...

— Напрасно вы думаете, что этой связи нет,— промямлил старик с больными глазами.

Скородумов ненавидел старика. Он своим заявлением сорвал триумф. Толпа, готовая запеть патетическую хвалу, молча смотрела на старика, протягивавшего Скородумову грязный листок, на котором значилось: „Жилкин, Федор Максимович, агент губстраха.“

— Но ведь я уже застрахован,— растерянно твердил Скородумов.

— Это ничего... не значит... Можно лично... или от градобития. Вы сами сказали. Вот, заполните анкетку. Первый взнос — 10 руб.

В толпе сказали: „Он не пойдет вразрез со своей блестящей речью.“

Скородумов заполнил анкету, заплатил десять рублей и проклял старика...

Скородумов, говорят, переменил профессию.

Мих. Коссовский

КОЗА В СОБЕСЕ

„Жил был у бабушки серенький козлик...“

Нет, не козлик, а козочка. И не серенькая, а белая.

Впрочем, масть тут не при чем. Важно то, что бабушкина козочка „вышла в лес погуляти“. И попала не как полагается козе в трамвай, а в собес. В Смоленский губсобес.

Эх, дорогие товарищи и уважаемые граждане! Легко, вы думаете, по нынешним временам бабушкиной козочке попасть было в собес?

„Вот как, вот как...“ коза попала в собес.

Началось это, как уже сказано было, с того, что козочка вышла „в лес погуляти“. Вышла и заблудилась. Заблудилась и попала к гражданину Славянскому, проживающему в Гриневской волости, Смоленского уезда.

Четыре дня и четыре ночи думал гражданин Славянский о том, что ему делать с приблудной козой и, наконец, преисполненный гражданского долга, решил передать ее в распоряжение смоленской милиции.

Приняв это решение, гражданин Славянский на пятый день отправился в Смоленск.

В уездной милиции Славянского внимательно выслушали, потом порылись в инструкциях, посовещались и, наконец, об'явили:

— Принять козу не имеем права. Согласно закона, вы должны держать ее у себя до тех пор, пока явится хозяин, а когда он явится, имеете право потребовать у него по 65 копеек в сутки: 25 копеек за корм, 40 копеек за хлев..

— А ежели хозяин не явится вовсе?

— Гм.. не явится? И на этот счет в законе сказано. Ежели хозяин не явится в течение двух месяцев, то вы можете вступить в законное владение козочкой. Поняли? А теперь мы зарегистрируем, что к вам приблудилась козочка и можете себе идти домой...

Дни шли за днями. И не успел Славянский оглянуться, как уже два месяца прошло.

— Что ж, пора в законное владение вступить, — подумал Славянский. И отправился в Смоленск вступить „в законное владение“ козой.

В уездной милиции его встретили так же приветливо, как два месяца тому назад, снова порылись в инструкциях, посовещались и, наконец, об'явили:

— Вот что, гражданин; новое распоряжение сейчас уже имеется насчет приблудших животных. Придется вам козу в губсобес отвести. А мы сейчас отношеньице вам напишем насчет принятия ее на социальное обеспечение...

Взял Славянский „отношеньице“, отправился домой, забрал козу и привел в смоленский губсобес.

Скоро, говорят, сказка сказывается, да не скоро дело делается.

Губсобес, прочитав „отношеньице“ милиции и внимательно осмотрев козу, нашел, что милиция ведет вполне правильную линию в отношении социального обеспечения приблудших животных, и поэтому предложил Славянскому несколько вариантов для выхода из положения.

— Мы можем взять козу себе, и тогда мы уплатим вам 45 копеек за прокорм и содержание ее. Это раз.

— Вы можете купить козу у нас. Это два.

И, наконец, третье: подыщите инвалида, который нуждается в козьем молоке, и мы ему передадим козу.

А пока что — козочку оставляем у себя...

...И опять размышлял Славянский: какой вариант ему выбрать. И решил он, что самый подходящий для него вариант—это подыскать инвалида, нуждающегося в козьем молоке. С него, по крайней мере, хоть частным порядком получишь за прокорм и содержание козы в течение двух месяцев.

Так Славянский и сделал. Отправился домой, подыскал инвалида, условился с ним насчет возмещения расходов. И отправились Славянский и инвалид в смоленский губсобес насчет козы.

В губсобесе, как полагается, с инвалида потребовали удостоверение сельсовета о том, что он нуждается в козьем молоке и, удовлетворившись пред'явленным удостоверением, пошли совещаться.

Не скоро дело делается, но еще менее скоро совещание кончается.

Одним словом, после совещания Славянскому и инвалиду об'явили:

— Дело вот в чем, уважаемые граждане: у нас есть инвалидный дом, а в хозяйстве его нет козы. Так вот, мы решили эту самую козу передать инвалидному дому. Инвалидов без козьего молока неудобно, знаете ли, оставлять... Итак, вопрос, граждане, решен и вы можете отправляться домой.

* * *

„Жил был у бабушки серенький козлик“...

Нет, не козлик, а козочка.

Вышла эта козочка „в лес погуляти“ и попала... в губсобес.

„Вот как, вот как“... процветают бюрократизм, волокита и головотяпство.

Гр. Львович

СОВМЕСТИТЕЛЬСТВУЮЩИЙ

Рис. Д. Мельникова

— Э-э... вот что, голубчик: у вас директором треста кто? Пичугин? Ну, значит, я и есть. Забыл, знаете... Где-ж все учреждения запомнить?..

РАЗНЫЕ ЗАКОНЫ

> *...По подсчету селькоров, средняя деревня тратит в год на попа до 1.000 рублей.*
>
> *...В Верхнеудинском Губсуде приговорен к заключению на 8 лет протоиерей Грачев за растление учениц сельских школ, в которых он преподавал.*

1.

Тащит Влас попу куренка,
Павел гуся приволок,
Митька—ногу от теленка,
Дарья — масла узелок.

* * *

Каждый лезть готов из кожи,
Чтобы батюшку питать.
Есть закон на это божий!
Разве ж можно нарушать?!

2.

Поп затопит жарко баньку
И потом туда гурьбой
Соньку, Тоньку, Маньку, Таньку
Тащит париться с собой.

* * *

Оправдать желая шкоды,
Он гнусавит, егозя:
— „В этом есть закон природы!
Нарушать его нельзя!!“

3.

Но, однако, гляньте, братцы:
Батя наш в большой беде.
И напрасно оправдаться
Хочет бедный в Губсуде.

* * *

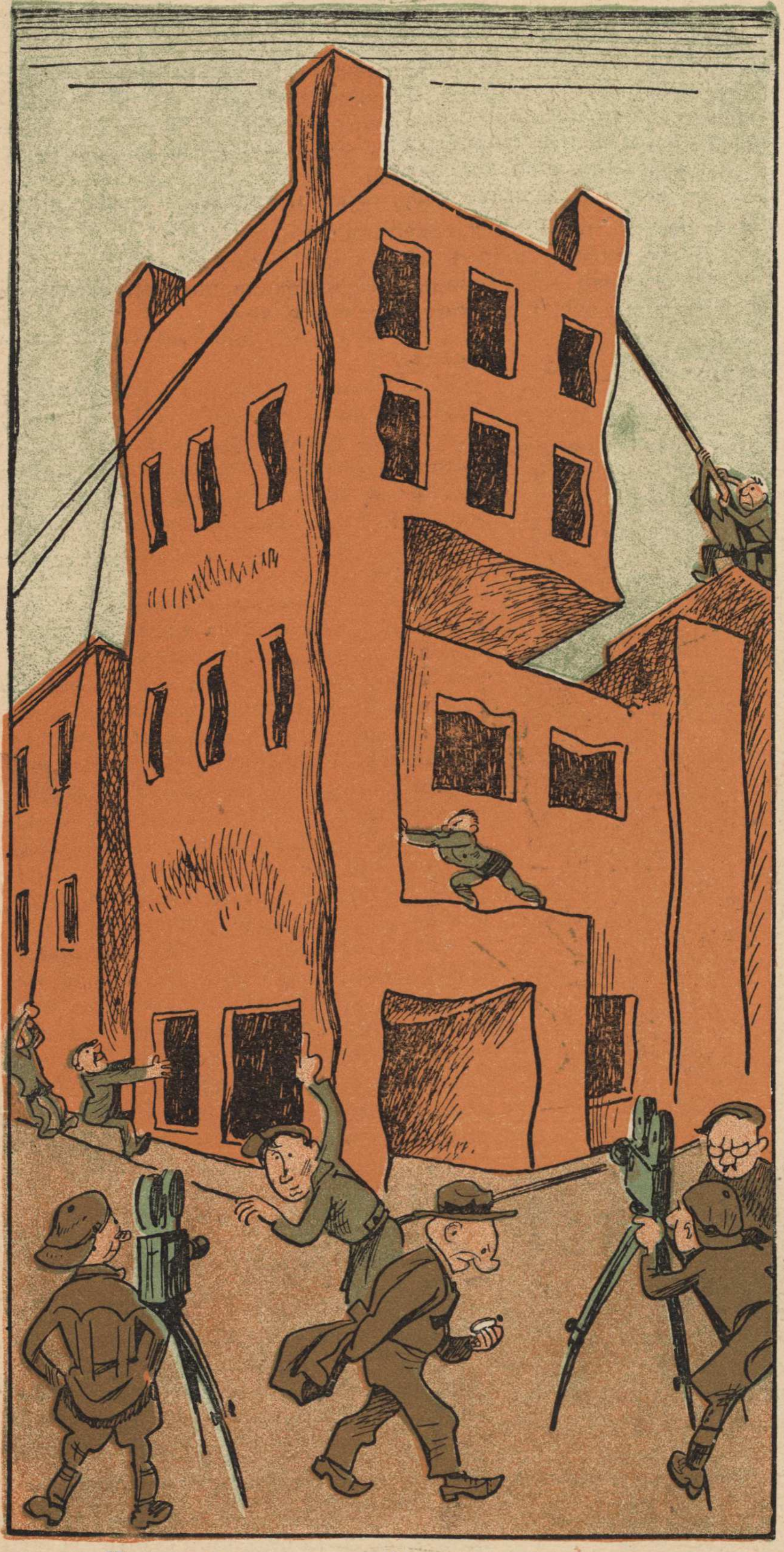
За растленье массы детской
Получает восемь лет...
Есть у нас закон советский,
А законов божьих — нет!

Юрий Фидлер

НА КИНОС'ЕМКЕ

Рис. К. Ротова

Правление М.-К.-В. ж.д. задумало построить кооператив из ксило-бетона. Но строители допустили ошибку. Вместо 10-ти метровых положили пятиметровые балки, и крыша повисла.

— Что здесь происходит?
— А это для кино-фильмы одной — сцену землетрясения снимают, — ну и выбрали только-что построенный дом. Ждут, когда валиться начнет, — а он, как на зло, уже второй день стоит.

БЮРО ОБСЛУЖИВАНИЯ „СМЕХАЧА"

СПРАШИВАЙТЕ!!!

Для удобства читателей запрашивать БОС можно сокращенными фразами. Например: „Кто?" На это мы сейчас же отвечаем: „Еще не известно, но была уже ревизия РКИ и семь человек при лечено к ответственности". Вы запрашивайте: „Сколько?" Мы немедленно же отвечаем: „В кооперативе по 1 р. 07 к. нет, у частника по 6 р. 42 к. сколько угодно". Можно еще сокращеннее — совсем не присылать вопроса, а только сообщить свой адрес, и специалисты БОСа все равно вам ответят, так как ваш вопрос заранее известен: „Нет ли где-нибудь свободного помещения для трех бездетных с большой семье..?"

ЧТО ТАКОЕ САМОКРИТИКА?

Желдорожник: Жесткий вагон: бока намять можно.

Строитель: Карниз: прямо на голову валится.

Парикмахер: Кисточка: шею намылит.

Пищевик: Дежурное блюдо: всегда для всех готово.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ ЭКСКУРСАНТОВ

Не всякий экскурсант, вернувшись домой, имеет что рассказать своим близким.

Ниже даем перечень красот, о которых можно вспомнить, возвратившись на родину:

— Крым! О! Там изумительные развалины после землетрясения. Глаз отдыхает.

— Кавказ! О! Там чудный Нарзан 23 коп. бутылка, а на вокзалах — 50 к.

— Одесса! О! Там у вас так ловко сопрут чемодан, что вы и не заметите.

— Волга! О! Там на пароходе, если закажете ванну, выкупаетесь в настоящей волжской воде, пахнущей нефтью, не хуже самого Детердинга.

МЫЛО И КУЛЬТУРНОСТЬ

Как известно, культурность человека измеряется количеством мыла, потребляемого им. По статистике у нас сильно повысилось мыла, хотя до сих пор есть немало людей, могущих влезть без мыла куда угодно.

„СПЕЦИАЛЬНЫЙ" ОТДЕЛ

Самара. — Кон-ну. Об'ясните, пожалуйста, спец — что это за птица?

Ответ. Эта такая птица, которую трудно поймать в тарифную сетку...

БЕЗДУШНЫЙ ВОЛОКИТЧИК

Заведующий одним из отделов треста, давно махнувший рукой на борьбу с волокитой. На снимке схвачен этот интересный момент (махнувшая рука — правая).

АНКЕТА ЗАСЕДАТЕЛЯ

1) Считаете ли вы молчание самокритикой?

2) Владеете ли языками немецким, французским, своим собственным? (подчеркнуть).

3) Поднимаете ли руки „против", или они у вас в этом случае опускаются?

4) Чем заседали до 1917 г.?

5) Чем — после?

6) Сколько раз в месяц говорите жене, что у вас заседания, и сколько раз они бывают действительно?

7) Как вы спите лучше? До заседания? После? Во время (подчеркнуть).

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!

По сведениям БОСа фарфортресты передают кооперации большую партию фарфоровой посуды самой ходовой формы (см. рисунок), для отпуска в кредит рабочим и служащим.

ФАКТ

„За то, что имеет физические недостатки в лице, что вызывает улыбки детей“,— Бобровский уоно, Воронежской г., уволил воспитательницу детдома им. Розы Люксембург.

Завуоно решил себя увековечить, для чего отправился в фотографию.

Фотограф усадил завуоно за письменный стол и сказал:

— Возьмите, товарищ, в руки вот этот красный карандаш, и когда я скажу „Три“!— сделайте вид, что накладываете резолюцию.

Завуоно принял продиктованную фотографом позу и стал ждать, чтобы фотограф просчитал: „Раз, два, три!“

Фотограф несколько раз начинал считать, но останавливался до трех.

— В чем дело, почему вы не говорите: „три“!, в чем дело?— спросил завуоно. Фотограф, повидимому, стеснялся и молчал.

— Скажете вы, наконец, в чем дело?!— рассердился завуоно.

— Видите-ли,— смущенно сказал фотограф,— мне часто приходится просить об этом моих клиентов, но вас я стесняюсь просить: вы занимаете такую должность, которая, казалось бы, должна была бы освободить меня от неприятной необходимости...

— Да говорите, чорт вас возьми, что хотите!— вскричал завуоно.— Мямлит, мямлит...

Фотограф взял в руку резиновую грушу аппарата и решительно сказал:

— Сделайте, товарищ завуоно, умное лицо!

Завуоно попытался, но ничего не вышло. Выражение лица завуоно оставалось обычным.

Фотограф не нажимал груши.

— Чего вы медлите и держите меня в напряженном состоянии!— запротестовал завуоно.

— Я вижу, что вы напрягаетесь, но я же не виноват, что вам не удается изменить своего обычного выражения лица... Ну, постарайтесь!

Завуоно даже вспотел, но, не смотря на все его старания, он никак не мог придать своему лицу выражения, которое скрыло бы его внутренний облик.

Когда фотограф потерял надежду, что клиент исполнит его просьбу, он махнул свободной левой рукой и правой нажал грушу.

— Три!— сразу воскликнул он.— Благодарю вас. Во вторник будет пробная.

Когда фотограф выставил в витрине карточку завуоно, и прохожие, останавливаясь перед витриной, смотрели на лицо завуоно,— они улыбались и думали:

— Этот человек способен сделать большую глупость! Факт!!!

Улыбались и думали так даже дети.

Исидор Гуревич

СПРОС И ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Рис. В. Козлинского

— Прошу меня послать в Слюнторгтрест.
— А почему именно вас туда направили?
— Ну, а как же! У них тут прямо и сказано: „Требуется машинистка с небольшой родинкой на правой стороне шеи.“

Ревизия на бирже труда обнаружила записку: „Пришлите слесаря, знающего английский язык.“

МОДНИК

Человек прогуливался по улице, совершенно не замечая, что прохожие смеются над ним. Когда он поравнялся со мной, я увидал на пиджаке незнакомца ярлычок:

Гум. —
Разм.— средний
Цена —27 р. 43 к.
Прод.—15/VI.

Шляпа незнакомца, сделанная из самой самоуверенной дряни, в минуты нехорошей заносчивости называвшей себя фетром, была также украшена этикеткой:

Л. С. П. О.
Разм.—56
Цена —3 р. 40 к.
Прод.—15/VI

— Сорвите вы эти ярлыки!— сказал я незнакомцу.— Люди же смеются над вашей рассеянностью.

— О! Я ничуть не рассеян!— улыбнулся он.— Я просто франт, и у меня просто нет денег на хорошие вещи. А те вещи, которые я ношу, теряют всякий вид на второй день после покупки! Понятно?

— Ничего абсолютно!

— Ах, какой недогадливый!— рассердился он.— Ясно же, что раз на вещи ярлык, стало-быть, вещь новая,— стало быть, вещь модная,— стало быть, я все-таки франт!

И, не прощаясь, он зашагал бодрой, самоуверенной походкой.

М. К-ий

ГОРЕ ОТ РЕЖИМА

Монолог пострадавшего

Пострадал я, прямо скажу, от режима. И при том — от самого последнего, — от режима самокритики! Но ежели вы подумаете, будто меня уволили за то, что я кого-то критиковал, то вы, конечно, впадете в пагубное заблуждение: на это я не способен! Погубил же меня... Впрочем, сами поймете, что к чему.

Работал я в разных местах и по разным специальностям до тех пор, пока, наконец, на мое счастье, не установили режимного порядка. Первым в том порядке, как вам известно, пошел режим экономии.

Тут я оказался незаменимым спецом: проекты сокращения штатов, прорабатываемые в комиссиях, проекты сокращения комиссий, для проработки которых приходилось увеличивать штаты, — все шло, как по маслу.

Но... поднялась склока: склочники заявили, что сокращение штатов — это про меня лично сказано, сокращение комиссий — тоже про меня. И меня сократили...

На бирже труда я пробыл недолго, потому что, как вам известно, был об'явлен режим снижения цен.

А как я был специалистом по режиму экономии, то и по снижению цен мог работать не плохо, ибо вопрос упирался в проблему. Тут и пошло: снижение накладных расходов, в первую очередь, сокращение штатов и прочего.

Народ, конечно, склочной у нас, потому и поднялось, будто накладной расход — это я, лишний штат — тоже я! Клевета, конечно, и спецеедство, но что поделаешь?! Сократили...

Получил двухнедельное выходное, компенсацию за неиспользованный и пошел на биржу. А в ту пору, как вы знаете, уже показались лучи режима рационализации аппарата. Кто же специалист, как не я?

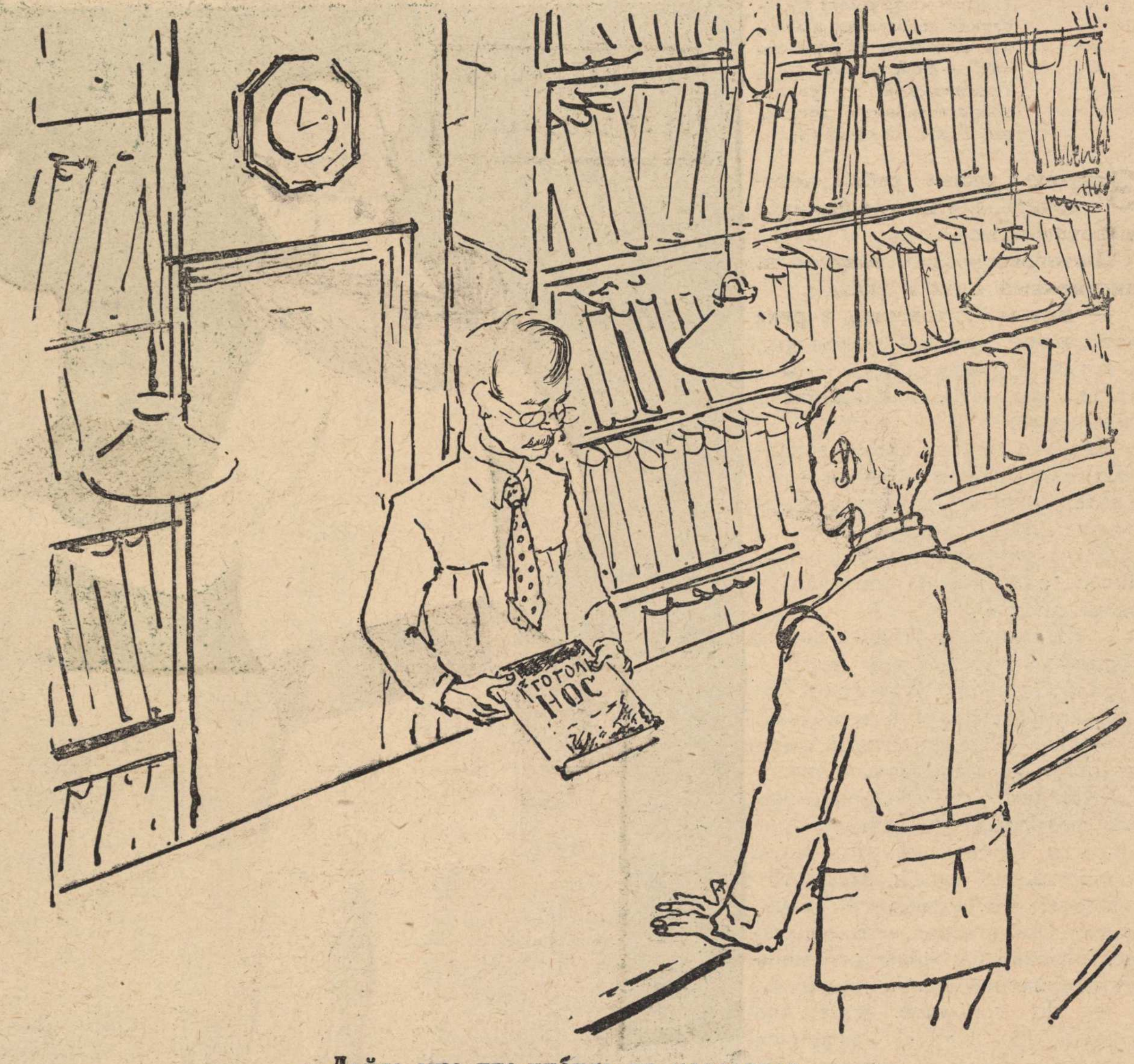
Устроился быстро и хорошо, за работу взялся ретиво: сейчас — комиссийку создал, проект сокращения штатов, карточки и все прочее.

Но склока и тут поперек горла стала: ячейка ли, местком ли подняли беспринципную бузу, предлагая в деле рационализации ограничиться моим сокращением, как разлагающего работу элемента, как лишнего штата и явно накладного расхода. Один в поле не воин, конечно! Сократили.

И опять мне повезло. Вопрос, как вам известно, опять уперся в режим борьбы с бюрократизмом. Где же искать такого незаменимого спеца, как я, который бы прошел и огонь, в виде режима экономии, и воду, в виде режима снижения цен, и медные трубы, как режим рационализации?

КЛАССИЧЕСКАЯ БЕЗГРАМОТНОСТЬ

Рис. Н. Денисовского

— Дайте мне что-нибудь из классиков.
— Хотите „Нос“ Гоголя?
— Не люблю по частям. Давайте целого.

В наших библиотеках неподготовленные читатели пред'являют выбору библиотекаря слишком много требований.

Устроился легко и свободно и за борьбу взялся энергично: сейчас комиссию по борьбе, проект сокращения штатов в комиссии, потом, как комиссия есть бюрократизм и волокита, вопрос о сокращении комиссий стал перед нами во всей широте, мы его углубили, — все на борьбу с бюрократизмом, как язвой, тем более, что вопрос не одного года. Ну, думаю, — царствию же его не будет конца!

Однако... лопнул. Опять старая история: будто — бюрократизм и язва — это я и есть. А со мной — какая же борьба?! Просто сократили. Правда, удалось подвести под рационализацию, — выходное за месяц взял...

Сильно я сомневался, когда об'явили новый режим, в который, как в проблему, уперлась борьба с бюрократизмом: режим самокритики. Но есть захочешь — и самокритикой займешься! Пошел в самокритики, как полный специалист, прошедший все режимы. Все могу раскритиковать, штатным самокритиком при любом вожде могу быть! Действительно, приняли мои предложения и услуги, — занялся самокритикой.

И на первом же выступлении — полнеющий крах и отчаяние:

— Это, — говорят, — не самокритика, а подхалимство!

— Позвольте, — говорю, — разве был такой режим — подхалимства?!

— Режим, не режим, но как у вас в крови это самое, а нам подхалимаж на ступени развития не нужен, то...

И орг-вывод: пожалуйте, не задерживайтесь!

Теперь опять на бирже околачиваюсь, — на самокритику не повернешь наново, а новый режим, то-есть проблема, в которую упирается, не по душе мне: культурная революция, говорят! В этом деле я не понимаю ничего вовсе. Если бы режим или что, то так, а так как же?! При чем она здесь, культурная-то?! Какое я к ней, то-есть, отношение имею?!

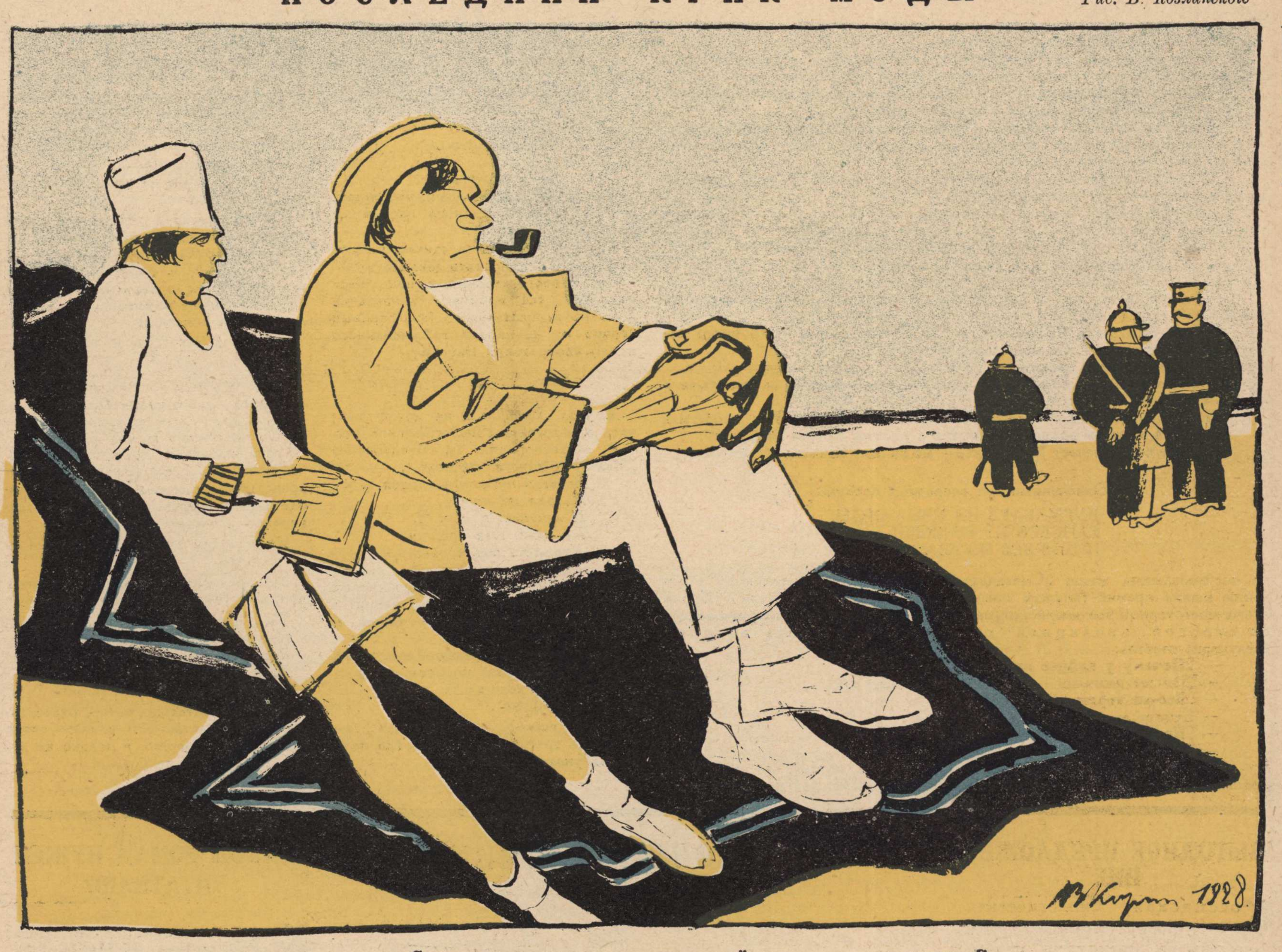
И вот, заключаю:

— Нет ли у вас работенки какой?! Для жертвы режима?! Только не по культурной революции, — не наше это дело...

Вл. Павлов

ПОСЛЕДНИЙ КРИК МОДЫ

Рис. В. Козлинского

— Скажите, какие у вас на летний сезон наряды в моде?
Преимущественно — полицейские!

ГАДАЛКА

До сих пор еще существует глупое суеверие. До сих пор еще не изжиты гадалки, околпачивающие доверчивых трудящихся.

Сейчас мы приведем факт из жизни. Это было в провинции.

Некий инвалид войны, он же сын престарелой мамаши, в один прекрасный день, подтянув ремнями искусственную ногу, решительно заявил:

— Довольно, мамаша, ждать! Ждавши, можно свободно ошалеть. Еду в Москву самосильно хлопотать о пенсии.

Старушка, понятно, раскудахталась:

— Ах, ах!.. Как же это вдруг? Да как же ты поедешь?! Да и что же с тобой будет? И так, без езды, на одной ноге, а с ездой-то последней решишься...

И стала старушка рыдать в половую тряпку.

— Не езди, милый... Авось и без пенсии проживем. Можа, втянемся и привыкнем.

— Привыкнешь! Как-же! — мрачно сказал сын: — Цыган тоже, сказывают, приучал коня не есть... Однако, помер конь.

И стал сын собираться в дорогу. Кое-какое барахлишко снес на базар чтобы денег на билет наскрести.

А мамаша в это время страдала от всяких ужасных мыслей.

И вот, потихоньку от сознательного сына-инвалида, махнула к Марфе Кузминишне, гадалке, которая до сих пор еще неизжита на улице Блохина (быв. Непролазная), дом 3, квартира 4, ход со двора, рядом с прачкой Акулиной.

На чем эта стерва гадала — неизвестно. На картах, или на кофейной гуще (суррогатный кофе из коопа).

Но только воротилась старушка сияющая, будто из бани под праздник.

— Поезжай, — говорит, — сынок, слободно. Все обернется лучше лучшего! Не скажу, откуда узнала, но вот что, сынок: предстоит тебе дальняя дорога, хлопоты в большом казенном доме и исполнение желания через червонного туза. И, конечно, скорое возвращение, письмо и деньги. Езжай с верой! Благословляю...

Ну, подтянул сын ремнями ногу и поехал обивать той ногой пороги.

А недавно в газете „Правда“, — на последней странице, промелькнуло скромное об'явление:

> Мать разыскивает сына Абрама Леонтьевича Зайцева, инвалида войны, уехавшего в Москву ходатайствовать о пенсии. Сообщить по адресу: Севастополь, ул. Троцкого, № 41, Зайцевой.

Не знаем, — может, это не тот инвалид. Может, это другой.

А если тот, то вот вам и яркий факт против гадалки.

Врет гадалка — зря только наживается на горбах трудящихся!

Ив. Прутков

ОЧЕРЕДНЫЕ

Товарищи остряки Только без этого: „Смехач“ подхалимства не любит — особенно в самый разгар самокритики.

А многие из вас отвечают, точно прошение о принятии на штатную должность только-что подали,— да еще отвечают густыми залпами:

— **Куда можно входить без доклада? Только в редакцию „Смехача“!**

— **Почему вас не видно? „Смехач“ читаю.**

Этак если вам задать вопрос:—Что вы едите?—вы непременно ответите:

— На первое только „Смехач“, на второе „Смехач“ исключительно, а на третье — его же обязательно.

С такими остротами далеко не уедешь, а если и уедешь, так придется сейчас же назад возвращаться.

Гораздо лучше поступают те остряки, которые отвечают солидно, степенно и прибегая даже к помощи научной эрудиции.

Так, например, З. Курмабаев из Кзыл-Орды на вопрос:

— **Куда можно входить без доклада?**—

совершенно резонно и продуманно отвечает:

— **„Только в воду. В нее, как известно, кислород и водород уже давно без доклада входят“.**

Не плохо ответил **Н. Елисеев** из Болхова на вопрос. **„Что будет делать подхалим, когда некому будет льстить?“:**

— **Будет писать мемуары!**

Правильно, тов. Елисеев, — да еще какие мемуары: и за грядущее и за прошлое жуто сделается.

М. Ширяев из Белого правильно подходит к разрешению проблемы:

— **„Что именно родное слышится в долгих песнях ямщика?“:**

— **Многое** - отвечает **М. Ширяев — но только не тоска об „Автодоре“.**

Означенные три очередных остряка:

КУРМАБАЕВ ИЗ КЗЫЛ-ОРДЫ,
ЕЛИСЕЕВ ИЗ БОЛХОВА —
И ШИРЯЕВ ИЗ БЕЛОГО

по постановлению жюри „Смехачины“ присуждены к безусловному получению наших премий (книжки нашей „Сатирической библиотеки“). Кроме этого, многотерпеливое жюри приговорило к условному осуждению со строгой изоляцией от попыток острить авторов следующих ответов:

— **„Почему у зайцев нет фамилий?“**

— Дай им фамилии — они их пропили-бы.

— **„Все-ли терпит бумага?“**

— Бумага да, но я ее терпеть не могу.

— **„Почему управдома никогда нет дома?“**

— Танцует.

Фамилии авторов этих ответов не даем — не потому, что они-бы их пропили, как зайцы по теории одного из них, а из чувства деликатности.

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

Поэт Кирсанов о Бабеле (журнал „Октябрь“, № 2):

И лошади
усталый пар,
И пот
из грязных пор —
Он облекал,
под гром фанфар,
То в пурпур,
то в фарфор.

Оказывается, Бабель занимается тем, что делает из лошадиного пара и пота фарфор!

Об этом надо не в стихах писать, а в прозе, и направить докладную записку непосредственно в наш Фарфортрест для срочного проведения в жизнь замечательного (фарфоровый сервиз на 40 персон из лошадиного пара!) изобретения Бабеля.

*

Журнал „Еж“ (№ 3) не может молчать о недостатках нашего транспорта.

В стихотворении А. Введенского „Железная дорога“ читаем:

Встала толстая корова
Посред не пути
И мешает паровозу,
Не дает ему пройти.
Уходи-ка ты, корова,
Уходи, пока здорова.

Мы знаем о „хорошем отношении к лошадям“. Почему бы такое хорошее отношение не применить также и к коровам?

Толстой корове, вставшей посредине пути, вряд ли будет понятны деликатные слова: „Уходи-ка ты, корова, уходи, пока здорова“.

Еще дедушка Крылов советовал „там речей не тратить попустому, где надо власть употребить ..“

*

Из романа Мих. Шолохова „Тихий Дон“ („Октябрь“, № 3):

Мы проснулись сегодня в девять. Привычка шевелить пальцами ног привела к следующим результатам: она открыла одеяло и долго рассматривала мою ступню. Она так резюмировала свои наблюдения:

— У тебя не нога, а лошадиное копыто!..

Техника писания романов совершенствуется с каждым днем: сначала писатели ухитрялись писать левой рукой, затем — ногой, в наши же дни, как это видно из приведенной цитаты, писатели имеют возможность писать... лошадиным копытом!

*

Какой дурак вот этот ветер,
Какой нахал, какой болван!
Нас двое, и не нужен третий,—
Он рассекает точно плетью
Мои любовные слова.

Гак возмущается поэт В. Александровский поведением ветра (см. „Комсомольская Правда“, № 25) в стихотворении „У моря“.

Мы находим нужным выступить в защиту ветра.

Вот предпоследний куплет стихотворения В. Александровского „У моря“:

Твой смех, как перезвоны струй!
И нет тебя. Ты—за стечою.
Все тот же снег, но жег весною
Твой южный, дерзкий поцелуй.

Типичный „цыганский романс“!

Нет, положительно, ветер, рассекавший точно плетью эти слова,— очень культурное существо и далеко не дурак, не нахал и не болван!

*

ВЫГОДНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Косинская биологическая станция просит биржу труда прислать на должность гидролога

„лицо с высшим образованием, хорошо знакомое с методами гидро-биоисследования и с большим практическим стажем. Оклад 32 руб. 50 коп. Станция расположена под Москвой, переезд не оплачивается, квартира не представляется, в летний период обязательно участие работника в экспедициях, которые также не оплачиваются“.

К этому бы нужно добавить только еще одно: экспедиции сооружаются на его же счет, станцию он на свои средства переносит ближе к Москве, а 32 рубля ему на руки не выдаются.

„Смехач“ предлагает желающим пересылать свои заявления не непосредственно, а через его редакцию и даже с приложением поясных портретов.

В МАГАЗИНЕ ЧАСТНИКА

Закоренелые неплательщики будут привлекаться к угол. отв. за неверное показание.

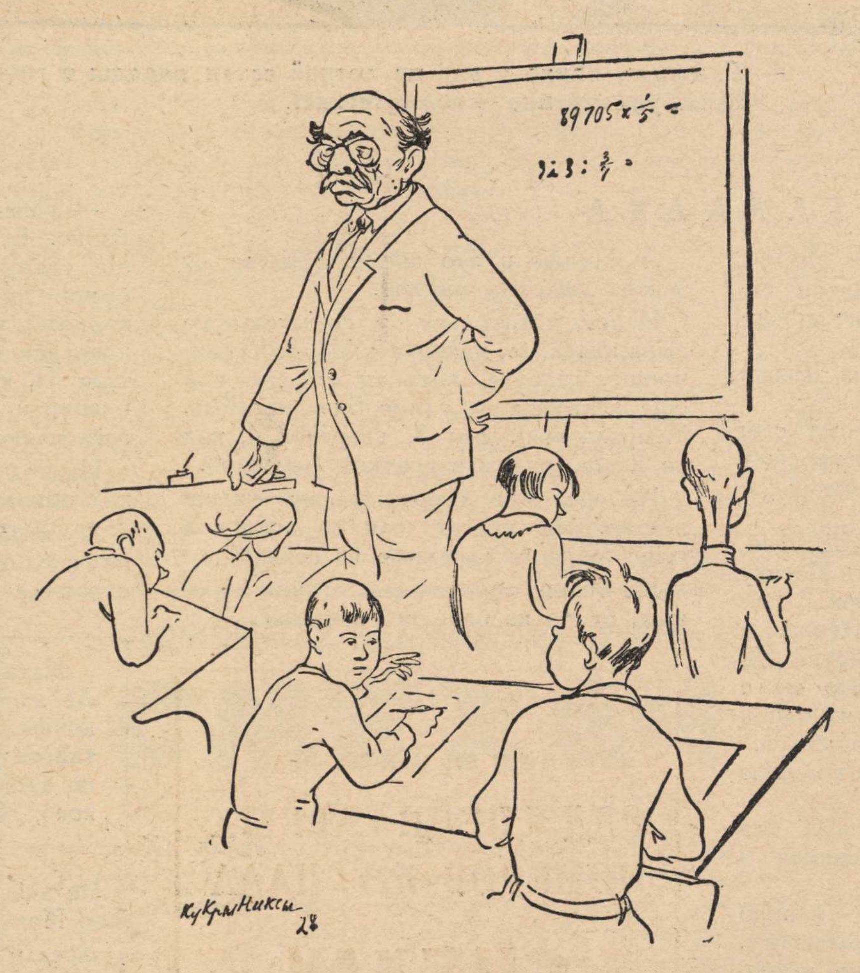
— Вы, гражданин, давно налоги уплатили?

— Помилуйте,—лет 10 тому назад...

— Как десять лет? Тогда же фининспекции еще не было.

— Что вы говорите? Неужели было такое счастливое время?..

ПРОТИВОВОЛОКИТЧИКИ

— Задает задачку, а потом ждет, чтобы мы решили. А нет того, чтобы сейчас же и ответ сказать... Волокиту одну разводит!

КАКОЙ РОМАН НУЖЕН ЧИТАТЕЛЮ?

Клир писательский в массе
Размышлял на Парнасе:
— Наш читатель — шарада!
Что он не любит, знать надо...
За какой он роман опорожнит карман?

* * *

Первый буркнул:—Агитный!..
Рек второй:—Не главлитный!..
Третий молвил:—Идейный!..
Взвыл четвертый: — Шутейный!..
Пятый крикнул:—Сюжетный!..
А шестой:—Трафаретный!..
Был седьмой за батальный,
А восьмой за скандальный.
Помирил всех девятый:
— С порнографией сватай!..

* * *

А читатель романа
Ухмыльнулся престранно,
Плюнул, вытер калошей
И ответил:—Хороший!..

М. Андриевская

КУЛЬТРАБОТА

— Что вы нас танцами попрекаете: у нас танцы на самом последнем месте стоят.

— Ну да!

— А то нет? Вот афиша: „Лекция-доклад“ и потом уж „Танцы до утра“.

СМЕХАЧИНА № 12

1. КТО И НА СОЛНЦЕ НЕ ЗАГОРАЕТ?

2. ПОЧЕМУ СИРЕНЬ ЦВЕТЕТ И НИКТО НЕ ОБИЖАЕТСЯ?

3. КАК ВАМ НЕ СТЫДНО?

Наиболее остроумные ответы будут опубликованы.

В ПОРЯДКЕ САМОКРИТИКИ

(Письмо в редакцию)

Позвольте обратить Ваше внимание на следующий факт, достойный порицания. Имея немного свободных денег (11 р. 82 коп., а также еще 2 рубля краткосрочного долга), купил я себе сочинения Н. В. Гоголя (Яновского) и прочел его бессмертную комедию „Ревизор“ (5 действий и немая сцена).

В этой комедии (5 действий и немая сцена) говорится о некоей унтер-офицерской вдове, каковая по уверению городничего г. Сквозника (Дмухановского) сама себя высекла. Доверившись г. Гоголю (Яновскому), купленному мною в виде полного собрания сочинений, я, к моему удивлению, узнал из № 18 „Крокодила“, что унтер-офицерской вдове фамилия— Пошлепкина, в то время как г. Гоголь настаивает, что фамилия Пошлепкина принадлежит не унтер-офицерше, а слесарше.

Из вашего же „Смехача“ № 21 я узнал, что, вопреки утверждению того же г. Гоголя-Яновского (Н. В.), высекла сама себя не унтер-офицерша, а слесарша.

Кому же верить в наше ответственное время, тов. редактор: „Крокодилу“, „Смехачу“ или Гоголю? А если вы правы—то зачем-же позволяют гр. Гоголю в разных полных собраниях искажать текст его комедий, установленный „Крокодилом“ и „Смехачом“? Не понимаю — ни как член профсоюза, ни как читатель-практик.

С дружеским приветом *Егор Мухакин.*

О т р е д а к ц и и. По утверждению городничего, унтер-офицерская вдова сама себя высекла, — очевидно, в порядке самокритики.

40 ЧЕЛОВЕК И 8 ЛОШАДЕЙ

ВАШЕ СЛОВО, ТОВ. КРЫЛОВ!

Знаменитый баснописец Крылов, несмотря на преклонные годы, до сих пор пописывает втихомолку басенки. По крайней мере, в „Программе испытаний для поступающих в вуз в 1928 г.“ в списке лит. произведений, которые должен знать поступающий, есть такая неизвестная до сих пор басня И. А. Крылова:

„ДВОРОВАЯ ЛИСИЦА“.

Очевидно, старик, боясь лишних налогов, выпускает теперь свои произведения под чужим именем и еще очевидно, что слухи, будто бы „Программа испытаний“ есть хорошее руководство для поступающих, также абсолютная басня.

АПТЕКАРСКИЙ СКЛАД УМА

Кроме аллопатии и гомеопатии есть, оказывается, еще и третье течение. Это течение прививается в аптеке при прядильной ф-ке „Вагжановка“, где *двум рабочим, придавившим себе пальцы, ушибленные места смазали чернилами.*

При повторении такого рецепта аптекарь, очевидно, пишет так:

— Смазывать к о п и р о в а л ь н ы м и чернилами!

А, в общем, при таком чернильном подходе не мешало бы кой-кому из этих аптекарей в с т а в и т ь п е р о!

МАМОНТОЗАГОТОВИТЕЛИ

Лавры хлебозаготовителей не дают покоя Вольскому торготделу который циркулярно предлагает:

Заготовить морскую капусту, китовый ус и кости мамонта.

За кита мы спокойны: кит себе и в китовый ус не дует, когда его ищут в Волге, а вот насчет заготовки мамонтовых костей, тут надо подумать.

Лучше всего устроить мамонтовый питомник и там разводить этих допотопных крошек. А еще лучше назначить перерегистрацию мамонтов.

Авось, кто-нибудь и явится!

ОЧЕРЕДНАЯ КАМПАНИЯ

Рис. Б. Малаховского

— Чего это у вас народу убавилось?

— Говорят, будто всех, уволенных за критику, обратно на службу принимают.

РАБКОРЫ! СМЕХКОРЫ!

ШЛИТЕ МАТЕРИАЛ НЕПОСРЕДСТВЕННО В АДРЕС „СМЕХАЧА“.

ОБЛИЧАЙТЕ БЮРОКРАТОВ, ГОЛОВОТЯПОВ, МАЗУРИКОВ, ЛАКИРОВАННЫХ НАХАЛОВ, САМОЗВАНЦЕВ, ЛЖЕСПЕЦОВ — ВСЕХ КОНКРЕТНЫХ НОСИТЕЛЕЙ ЗЛА!

„СМЕХАЧ“, НЕ ВЗИРАЯ НА ЛИЦА, ВЗГРЕЕТ ИХ, ПОДТЯНЕТ, РАСПЕЧЕТ И ПРОКАТИТ.

КАЖДАЯ СТРАНИЦА „СМЕХАЧА“ — ТРИБУНА ДЛЯ САМОКРИТИКИ.

ЧИТАТЕЛИ, РАБКОРЫ, СМЕХКОРЫ! ВЫ ХОЗЯЕВА ЭТОЙ ТРИБУНЫ!

МЫ ВАС СЛУШАЕМ! НАЧИНАЙТЕ!

ВСЕ ДОКУМЕНТЫ, ФАКТЫ, РАЗОБЛАЧЕНИЯ НАПРАВЛЯЙТЕ НЕПОСРЕДСТВЕННО В РЕДАКЦИЮ „СМЕХАЧА“, МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, 28, С УКАЗАНИЕМ НА КОНВЕРТЕ:

„ОТДЕЛ ТРИБУНА“.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Ж л о б и н — Циркачу.

Вы пишете:

„Кооператоры — святоши
Не продают совсем калоши.
От сырости, — чего же проще?—
Мы без калош пойдем на мощи!“

Святоша? Мощи? Чай, не дьячок ли вы, гражданин?

Писали бы так:

„Достойно есть сбить с кооперации спесь —
Калошу насущную дажь нам днесь...“

Адрес конторы „СМЕХАЧА“
Москва, Солянка, 12.

Адрес редакции „СМЕХАЧА“
Москва, Тверская, 28.

Издатель — „ГУДОК“. Адрес редакции — Москва, Тверская, 28. Отв. редактор — И. Н. Пирогов.

Главлит № А —14190. Отпечатано в 7-й типографии «Искра Революции» Мосполиграфа. Москва, Арбат, Филипп. пер., 13. Тираж 110.000.

МЫ ЗА ПОПРАВКУ!

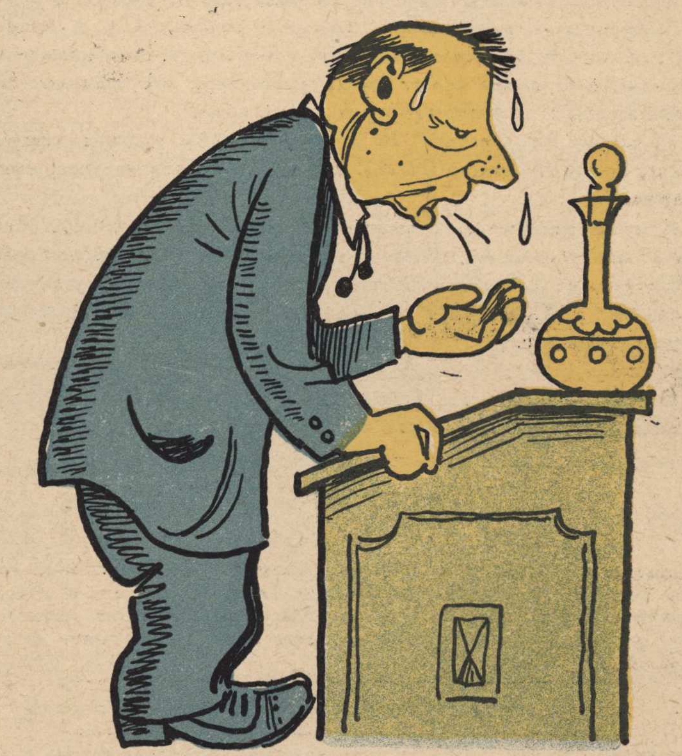
Рис. К. Ротова

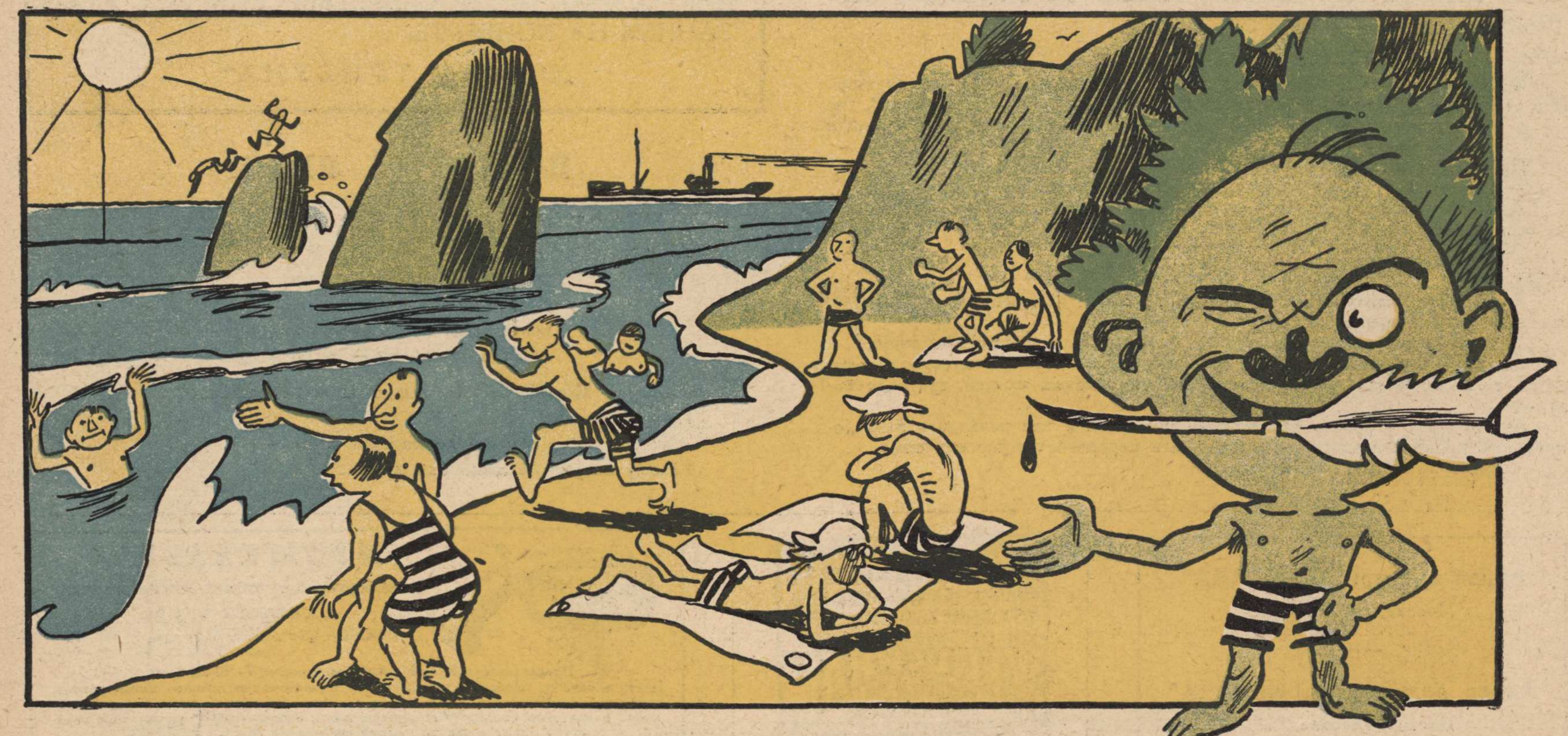
КО ВСЕМ РЕЗОЛЮЦИЯМ,

КО ВСЕМ ДОКЛАДАМ,

КО ВСЕМ ПРЕДЛОЖЕНИЯМ—

„СМЕХАЧ" ПРЕДЛАГАЕТ МАЛЕНЬКУЮ ПОПРАВКУ.